

ние о грехе, под влиянием денег и участия домашних, совсем уничтожилось. Ей казалось, что если люди завидуют, то то, что она делает, хорошо». Она, если так можно сказать, естественно развращена. К тому же Степанида чувствена, любит «шалить», уверена в своих женских «чарах», с удовольствием (но без коварства и злого чувства, «просто»)¹⁹⁶ соревнуется с молодой барыней и шутя выигрывает.

Муки, терзания, угрызения совести выпали на долю всеми любимого, мягкого и честного Евгения Иртенева, благополучно устраивавшего до поры до времени свои «амурные» (ради «здоровья») дела с какой-то швеей и другими удобными женщинами. Такого же рода необременительной связью представлялись ему свидания на природе со Степанидой, которые ничего, представлялось, не стоило прервать; герой самым жестоким образом ошибся, как стало ясно уже очень скоро, когда им опять овладело беспокойство, но уже не «безличное». Влекло не к женщине вообще, а к Степаниде: «...ему представлялись именно те самые черные, блестящие глаза, тот же грудной голос, говорящий „голомя“, тот же запах чего-то свежего и сильного и та же высокая грудь, поднимающая занавеску, и всё это в той же ореховой и кленовой чаще, облитой ярким светом». От этого видения на идеальной для грехопадения природной сцене Евгению уже не суждено будет отделаться, хотя он и пытался убедить себя, что «сношения» («он даже не называл это связью») «с Степанидой было нечто совсем незаметное». «Сношения» же эти стали давно заметны всем, закабалили его, так что «когда приступало желание видеть ее, оно приступало с такой силой, что он ни о чем другом не мог думать».

Наваждение, прилипчивое и неотвязное, убивающее все рациональные соображения, дьявольский соблазн, врывающийся в семейную идиллию: «Он был недоволен тем, что заметил ее, а вместе с тем не мог оторвать (взгляд) от ее покачивающегося ловкой, сильной походкой босых ног тела, от ее рук, плеч, красивых складок рубахи и красной паневы, высоко подоткнутой над ее белыми икрами». У него нет своей воли, кто-то всемогущий и анонимный ему приказывает, и он не может ослушаться приказов, поступает против своей воли, которой почти уже нет: «...не успел пройти пяти шагов, как, сам не зная как и по чьему приказу, опять оглянулся, чтобы еще раз увидеть ее». Кто-то безликий и злонамеренный отнял его волю, опутал липкими похотливыми путами, подобно черту в «Преступлении и наказании» подсунул соблазнительное видение, лишил внутреннего покоя, толкнул на преступление: «Он ушел, чтобы не видеть ее, но, войдя на верхний этаж, он, сам не зная как и зачем, подошел к окну и всё время, пока бабы были у крыльца, стоял у окна и смотрел, смотрел на нее, упивался ею.

Он сбежал, пока никто не мог его видеть, и пошел тихим шагом на балкон и, на балконе закурив папиросу, как будто гуляя, пошел в сад по тому направлению, по которому она пошла. Он не сделал двух шагов по аллее, как за деревьями мелькнула плисовая безрукавка на розовом растегеае и красный платок. Она шла куда-то с другой бабой. „Куда-то они шли?“

И вдруг страстная похоть обожгла его, как рукой схватила за сердце. Евгений, как будто по чьей-то чуждой ему воле, оглянулся и пошел к ней».

А потом, накануне окончательного краха, Евгений будет стоять за кустом орешника, дожидаясь ее возвращения к нему в лес, зная, что сделать на виду у баб ей это невозможно: «Разумеется, она не вернулась, но он просто-ял здесь долго. И Боже мой, с какой прелестью рисовало ему ее его воображение. И это было не один раз, а пятый, шестой раз. И что дальше, то силь-

¹⁹⁶ «Об барине она вовсе и не думала. „У него теперь жена есть, — думала она. — А лестно посмотреть барыню, ее заведение, хорошо, говорят, убрано“».